РЕЦЕНЗИИ

© 2000 г., ЭО, № 1

Г. У. Солдатова. Психология межэтнической напряженности. М., 1998. 389 с.

Начавшиеся в конце 1980 – начале 1990-х годов в СССР политические и экономические изменения с неизбежностью привели к новым общественным отношениям, в частности к усилению социальной напряженности в постсоветском пространстве. Первым (не латентным) «вызовом» обществу было невыполнение государством воли советского народа, выраженной в референдуме, проведенном в марте 1991 г. Это не было вызвано к жизни межэтнической нетерпимостью; народы высказались за единство. Граница потенциального конфликта прошла не между этносами (вертикально), а между мировоззрениями (горизонтально), через все этнические образования бывшего СССР. В этой ситуации гражданская идентичность превзошла этническую. Созданная таким образом конфликтная ситуация (и все последующие процессы) стала предметом исследования разных дисциплин: политологии, социологии, конфликтологии и др. Так, книга Г.У. Солдатовой – одна из попыток показать **психологию** межэтнической напряженности. Мы остановимся подробнее на некоторых методических, теоретических и эмпирических вопросах исследования, которые, как нам представляется, далеко не бесспорны. Верификация основных методико-теоретических положений, постулируемых автором для Северного Кавказа, не дает положительных результатов.

В специальной литературе термином «этнический конфликт» обозначается «форма межгруппового конфликта, когда группы с противоречивыми интересами поляризуются по этническому признаку. Источником ЭК, как правило, являются внеэтнические социально-политические и экономические противоречия»[1]. Такое определение представляется алогичным, так как названные источники конфликта в большей степени соответствуют национальным, а не этническим интересам. Термин «этнический конфликт» и общественные процессы, обозначаемые им, не находятся в отношениях референции. Конфликтная ситуация, которая действительно имеется в полиэтническом обществе постсоветской России, не может быть названа межэтнической напряженностью или этническим конфликтом. Конфликт, предметом которого являются политические, национальные и экономические требования, не подходит под определение «этнический». От имени этносов в настоящее время выступает их экстремистски настроенное **меньшинство**. Границы противостояния в таком конфликте, как отмечалось выше, не совпадают с границами этноса. В СМИ же наблюдается искусственное сведение этих границ. Наши наблюдения показывают, что чеченское общество, расколотое на почве политических и экономических интересов, выражает две противоположные точки зрения. В СМИ трибуна предоставляется только одной стране, которая выдвигает крайне резкие экстремистские требования от имени всего народа: суверенитет, независимость, свобода, выход из состава России и др. Во главу ставится национальная идея, а это уже политика. Конфликтологи отмечают, что «Разработка проблематики конфликта позволяет прийти к выводу о доминировании **политического** конфликта во всех развертывающихся ныне конфликтных ситуациях»[2].

Обозначение существующего общественного конфликта термином «этнический» уводит от истинного понимания фактов, смещает центр причинности конфликта (напряженности) от национальной политики государства к психологическим особенностям этноса. Этот термин введен не Г.У. Солдатовой. Однако ее утверждение, что «За последние годы мы неоднократно были свидетелями, как социальная напряженность, достигнув высокого уровня, трансформировалась в межэтническую» (с. 198), представляется неверным. По крайней мере нам, отслеживающим ситуацию в Чечне с осени 1991 г., не пришлось быть свидетелями подобной трансформации. Конфликт в Чеченской Республике следует квалифицировать как конфликт мировоззренческий, идеологический.

Рецензируемая книга претендует на теорию. В связи с этим необходимо отметить серьезные методико-теоретические отклонения от норм, регламентируемых наукой. В числе наиболее серьезных ошибок следует назвать следующие: отсутствие системного анализа объекта исследования; работа с документами проведена с серьезными нарушениями принципа надежности и достоверности используемого источника; степень теоретической и эмпирической валидности едва ли можно признать высокой, если не сказать положительной; субъективно-тенденциозная интерпретация материалов смежных наук и др.

Системный анализ объекта исследования – один из этапов разработки программы социологического исследования. Он предполагает «рассмотрение объекта исследования как системы, то есть комплекса

элементов и связей, образующих во взаимодействии органическое целое, в котором фактическое или предполагаемое изменение одного из элементов ведет к изменению других элементов и всей системы в целом»[3]. Системный анализ включает в себя принцип циклической взаимосвязи генезиса, структуры и функций. Этот принцип предполагает изучение объекта путем выделения его элементов, их функций и взаимосвязи; выяснение того, как данный объект функционирует в системе большей общности[4]. Такого анализа в рецензируемой работе нет, что ставит под сомнение верность делаемых автором обобщений.

Г.У. Солдатова четко определила с самого начала **предмет** исследования (с. 24). Однако вспомним, что **предмет** и **объект** исследования не суть одно и то же. Любой объект исследования имеет свою структуру и систему. Объектом исследования рецензируемой книги являются **группы,** находящиеся в отношениях напряженности. Группа – это совокупность людей, объединенная общностью интересов. В том, что эти группы моноэтничны, автор не сомневается; это позволяет ей оперировать такими таксономическими категориями, как «русские», «чеченцы», «осетины», «ингуши» пр.

Как таксон теоретической классификации группа представляет собой иерархическую структуру, в которой семья, этнос и нация являются таксономическими категориями (есть и другие дискретные единицы). Такая градация может быть исследована как в диахронии (от менее сложных образований к более сложным, обусловленным историческим развитием), так и в синхронии: исследование межуровневой корреляции (в том числе, центр – периферия) или отдельной таксономической категории – семьи, этноса, нации или же других групп, сформировавшихся по разным признакам. При этом не следует забывать, что в центре стоит **человек** – создание не только социальное, но и биологическое. В экстремальных ситуациях он руководствуется инстинктами. В условиях экономического упадка, вооруженных столкновений, а также других всевозможных стихийных бедствий главным становится сохранение жизни и лишь во вторую очередь актуализируются этнические интересы. В этих условиях группы формируются не по этническим признакам. Зону вооруженного конфликта покидают все люди, независимо от национальной принадлежности. Этническая идентичность здесь не является главным средством защиты.

Предмет исследования рецензируемой книги, как указано в названии, – межгрупповые отношения **одноуровневого** порядка – межэтнические. В действительности же мы видим здесь совершенно иную картину: для анализа отношений одного уровня автор берет данные из плоскости иного порядка. Этнос и нация – это две разные таксономические категории. Они функционируют в разных, хотя и в смежных социально-политических плоскостях. Неодинаковы и интересы этих образований. Для первой характерна самоидентификация, для второй – государственность. «Этнические процессы стихийны, бессознательны, они не зависят от желания и воли членов этноса; их нельзя путать с национальными движениями...»[5]. «Национальные движения представляют собой деятельность масс людей, направленную к достижению определенных целей, причем чаще всего – политических»[6]. Исследуя этнос, автор апеллирует к социально-политическим фактам, оперирует данными иного порядка. Поиск причин уровнем выше (или ниже) представляется недопустимым.

Попытаемся выйти из той путаницы, в которую вводит ход суждений автора относительно цели исследования. «Межэтническая напряженность – это форма социальной напряженности, трансформация которой в межэтническую является закономерным процессом в условиях глубоких изменений полиэтнического общества» (с. 12). Эта напряженность, как утверждает автор, является одной из главных особенностей России 1990-х годов. Доказательства этого Г.У. Солдатова получила, исследуя отношения между «титульным и русским населением в Татарстане, Туве, Саха (Якутии) и Северной Осетии» (с. 24). Основная же цель исследования – изучение формирования этих образований (этносоциальных представлений, этнических образов, этнической картины мира, в которых объективируются отношения этнических групп как социальных субъектов к самим себе, друг к другу и к действительности), их трансформаций в условиях различных ситуаций межэтнической напряженности и их влияние на групповое поведение (с. 24). Таким образом, автор свела проблему предиката к проблеме субъекта и перешла от исследования психологии процесса (состояния) к исследованию психологии субъекта, а также к исследованию отношения субъекта к так и не исследованному процессу (состоянию). В результате в книге фактически нет теории исследования межэтнической напряженности, что подтвердилось в третьем разделе, где эта квазитеория «запущена» в действие.

Верно определив «междисциплинарный» (с. 165) статус этнопсихологии (отметим, что речь идет не о психологии конфликта), автор рецензируемой книги далее переходит к непосредственному предмету своего исследования: «В соответствии с нашим подходом к исследованию межэтнической напряженности ее средоточием на уровне этнического самосознания является этническая идентичность. Это определило

конструирование специфических методических приемов и методик, направленных непосредственно на изучение этничности или этнической идентичности» (с. 179). Вся последующая часть работы, посвященная методам исследования межэтнической напряженности, сосредоточена лишь вокруг этнической идентичности. Эти две плоскости в работе так и не пересеклись. Дело в том, что Г.У. Солдатова пыталась перенести столкновение национальных интересов в плоскость пересечения координат иного уровня. Единственное, что автору удалось, – показать хорошее знание процедуры этнопсихологического исследования.

«Основной фокус исследования, – пишет автор рецензируемой книги, – самый "горячий" регион страны – Северный Кавказ» (с. 5). Ему посвящен третий раздел монографии. Основными материалами, по словам автора, служат не только социально-психологические, но и этнологические, политологические, социологические, исторические и демографические. Между тем в части исследования общей этничности северокавказских народов и форм их этнополитической мобилизации использованы фактографические материалы, не позволяющие делать безальтернативные научные обобщения об этих народах, в частности о чеченцах и ингушах. Сбор информации об изучаемом объекте исследования проведен из следующих источников: газеты «Независимая», «Сегодня», «Коммерсант», «Известия», «Московские новости», журнал «Итоги» и др. На них, как на главный источник информации, не было указано ни в методической, ни в теоретической, ни в эмпирической частях книги. Между тем работа с документами – один из самых ответственных этапов этносоциологического исследования: «Приступая к проведению конкретного социологического исследования, важно обозначить круг документов, которые можно использовать, и определить их ценность и надежность»[7]. Такая работа автором проведена не была. Ее провели мы, и ниже изложим некоторые вскрытые нами факты.

В последние годы очень много говорят о достоверности информации, предоставляемой СМИ. Весьма показательны в этом отношении результаты опроса, проведенного социологической службой газеты «Комсомольская правда»: «Считаете ли Вы, что та информация, которую Вы получаете из средств массовой информации, дает Вам полное представление о том, что происходит в Чечне? 1. Да – **10%**; 2. Частично – **45%**; 3. Нет – **45%**»[8]. Надо полагать, что приблизительно такова и степень достоверности делаемых автором обобщений по этому региону.

Особо следует сказать об использовании автором источников. Дело в том, что нами была начата выборка материалов, отражающих освещение событий в Чечне и Ингушетии в СМИ с 1992 г., с целью составить соответствующую базу данных (БД). Такая БД была необходима для проведения контент-анализа (результаты его будут опубликованы в специальной работе по лингвистике). Позже нам стало известно, что такая выборка имеется в пресс-центре Ингушского постпредства при Президенте РФ. На основании этой выборки нами совместно с сотрудниками пресс-центра была составлена соответствующая электронная БД для внутреннего пользования Ингушского постпредства. Она позволила без особого труда установить достоверность цитируемых Г.У. Солдатовой источников. В результате выявилось следующее.

Автор со ссылкой на «Независимую газету» (1996, 13 сент.) пишет: «В июне 1991 г. на общенациональном конгрессе чеченского народа было принято политическое заявление, что Чеченская республика Нохчичьо не входит ни в СССР, ни в РСФСР» (с. 211). Между тем в указанном источнике подобного заявления не публиковалось. Здесь опубликована статья Б. Костоева «Конфронтация Чечни и России губительна для обеих сторон». Поскольку Г.У. Солдатова приводит авторскую цитату, следовало бы указать ее автора и название статьи.

Следующий тезис: «Подкрепленная архетипическими мотивами, эта идея (национальной независимости. – *М.Ш.*) может быть настолько сильна, что становится самоцелью целого народа, независимо от опыта ее конечного воплощения» (с. 213). Эту свою мысль Г.У. Солдатова со ссылкой на газету «Сегодня» (1996, 12 сент.) иллюстрирует следующим образом: «Не случайно... Аслан Масхадов в одном из интервью обронил такую фразу: "Предки уже не раз побеждали Россию, но затем не знали, что делать дальше, и вновь входили в ее состав"». Наш комментарий: А. Масхадов эту фразу не «обронил» и никакого интервью по этому поводу не было. В указанном источнике помещен материал корреспондента М. Эйсмон. Здесь она цитирует фразу А. Масхадова из выступления по местному ТВ перед своими согражданами, где тот «приводил в качестве примера историю предков, которые "уже не раз побеждали Россию, но затем не знали, что делать дальше, и вновь входили", и призывал к дисциплине и жесткому наказанию тех, для кого оружие и после войны остается единственным веским аргументом в общении с людьми». Таковым был контекст этой фразы в оригинале.

Следующего источника, указанного Г.У. Солдатовой, – «Московские новости» (1992, 19 марта) – не существует в природе (с. 216), равно как нет и других: газета «Труд» (с. 241), «Независимая газета» (1996,

21 янв., с. 232). На основании этих источников автором были сделаны обобщения в главе «Этничность и психологические универсалии». Объем нашей работы не позволяет процитировать их полностью, однако приведенного материала вполне достаточно, чтобы поставить под сомнение верность этих выводов. Мы уже не говорим о нарушении автором книги принципа использования подобного рода документов: отбор лишь тех, содержание которых имеет непосредственное отношение к изучаемым социальным явлениям. В рецензируемой книге жанры цитируемых источников автором нередко переименовываются. Так, авторские статьи называются «интервью» (с. 213, 238).

Материалы СМИ о событиях в Чечне показывают, что уже с 1991 г. чеченский народ был расколот на почве национальных (а не этнических) интересов. Слово «оппозиция» не сходило со страниц как региональных, так и центральных газет. В специальной литературе также указывается на этот факт: «В ряде районов Кавказа тогда (в революционный период. – *М.Ш.*), как и сейчас, проявилась борьба двух тенденций: центробежной, сепаратистской, направленной на отрыв от Российского государства, и курса на возрождение нации, этноса при органической связи с народами России»[9]. В рецензируемой книге прослеживается субъективное избирательное отношение Г.У. Солдатовой к исследуемому объекту, где автор, следуя намеченной тенденции, извлекает из объективной действительности лишь те факты, которые подкрепляют ее идею. Такие методы вряд ли могут укладываться в рамки ныне действующей научной парадигмы.

Автор нередко подкрепляет свои теоретические постулаты единичными высказываниями, в том числе личностей, нравственность которых вызывает сомнение внутри этноса, к которому принадлежит эта личность. Между тем такой подход противоречит строгому требованию социологии: «Включение фактического знания в систему науки предполагает определенную концептуальную схему, в которой регистрируются наблюдения множества событий»[10].

Одна из эмпирических задач рецензируемой книги – «раскрыть этнопсихологические аспекты отношений между народами Северного Кавказа в различных ситуациях межэтнической напряженности на основе интерпретации совокупности антропологических, исторических, демографических, политологических, социологических и психологических эмпирических данных» (с. 26). Между тем такой междисциплинарный подход, на наш взгляд, – самый слабый методический прием в исследовании межэтнической напряженности. Здесь чувствуются хорошее знание автором методики психологического исследования, которым она занимается «уже почти 20 лет» (с. 11) и недостаточное знание социологического, исторического и этнографического материала.

Северный Кавказ сегодня относится к регионам, называемым «горячими точками». «Холодным» он, видимо, никогда и не был. Вот что писал очевидец две тысячи лет назад: «...Пастух **со шлемом на голове** играет на скрепленных смолою тростинках, и пугливые овцы вместо волка **боятся войн**...»[11].

Регулярные контакты горцев Северного Кавказа с Россией начались в XVI в. Этнографические исследования горских кавказских народов начались в не очень благоприятное для этого время – в условиях войны объективность не всегда была возможна. Сведения о горцах поступали крайне противоречивые. Мы приводим два противоположных мнения, высказанных очевидцами прошлого века.

1. «Это чиновничество внешней своею стороной цивилизации, без гуманности и доброй нравственности, вечно раздражало только свободного и наивного горца, человека не без совести и доброй нравственности в своем роде» [12]

2. «...Чеченец поражает ограниченностью и извращенностью своего духовного мира во всем, что касается сферы нравственного чувства. Не говоря о том, что он не имеет понятия о возвышенных нравственных идеалах (быть может, утратил их под влиянием своеобразного склада жизни), что такие понятия, как добродетель и порок, добро и зло, в их абстракции, ему не знакомы, но даже и непосредственные чувства, составляющие основу этих понятий, проявляются в нем весьма слабо и, с нашей точки зрения, не нормально»[13].

А вот и откровенное признание: «Чеченцев, как своих врагов, мы старались всеми мерами унижать и даже их достоинства обращать в недостатки. Мы их считали народом до крайности не постоянным, легковерным, коварным и вероломным потому, что они не хотели исполнять наших требований, не сообразных с их понятиями, нравами, обычаями и образом жизни... мы их так порочили потому только, что они не хотели плясать по нашей дудке, звуки которой были для них слишком жестки и оглушительны» [14]

Такие противоречивые высказывания не могут быть использованы в качестве надежного фактического материала. В рецензируемой книге для отдельных суждений подбирается исторический контекст (с. 232). Коль скоро автором использован подобный материал, желательно было бы указать на существование и противоположной точки зрения.

Чеченцы и ингуши – автохтонные народы Северного Кавказа. Языки этих народов имеют лишь диалектные различия. Термин ***вайнах*** – самоназвание чеченцев и ингушей, правильнее было бы перевести как «наш народ», а не «мы – люди» (с. 324). ***Вай*** – это инклюзивная форма личного и притяжательного местоимения первого лица множественного числа. Этнографы, исследовавшие культуру вайнахов, едины во мнении, что эти народы являются носителями одной культуры, а не родственных. Незнание или игнорирование столь очевидного факта приводит автора к неверным интерпретациям: «Угроза ассимиляции в ситуации взаимодействия двух близких народов заставляет более малочисленный народ "занимать круговую оборону", например в форме собственного государства, иногда искусственно отдаляться, чтобы сохранить себя. В противном случае он рискует раствориться в родственном большинстве" (с. 217). Страха ассимиляции здесь никогда не было и быть не могло, так как это единая (а не родственная) для обоих народов культура. Здесь также необходимо напомнить, в каких условиях происходило образование ингушской государственности. После провозглашения дудаевским правительством Чеченской Республики три района бывшей Чечено-Ингушской Республики, где компактно проживали ингуши, остались в государственно-политическом вакууме. Эти обстоятельства требовали безотлагательных мер в поисках выхода из сложившейся ситуации. И такой выход был найден Президентом РФ и ингушским народом в форме создания ингушской государственности. Интерпретация Г.У. Солдатовой мотива создания ингушами собственной государственности не соответствует действительности.

Утверждение автора, что «северокавказский суперэтнос далек от межэтнического единства» (с. 257) нам хотелось бы оспорить. Автор настоящей рецензии исследовала художественную культуру чеченцев и ингушей в контексте всей северокавказской культуры. Результаты показали, что культурный субстрат данного региона отличается единством художественных форм: ритма, цвета, линии, звука. Эти показатели более соответствуют понятию этнос, чем те, которые Г.У. Солдатова ставит во главу угла, – национальные, где действительно наблюдается напряженность между экстремистски настроенными меньшинствами отдельных этносов.

Несмотря на то что автор рецензируемой книги указывала на необходимость междисциплинарного подхода, в своих теоретических обобщениях она ограничилась материалами СМИ сомнительной достоверности. Не было, видимо, не только непосредственного соприкосновения с объектом исследования, но и сотрудничества со специалистами, работающими в той же сфере. Так, почти параллельно с Г.У. Солдатовой работал по сходной теме социолог М. Юсупов[15]. Его исследование не попало в поле зрения автора рецензируемой книги. Выводы указанной работы М. Юсупова противоположны выводам Г.У. Солдатовой: «Особенность общественно-политической жизни республики состоит в том, что открытое столкновение интересов происходит в основном не на межэтническом, а внутринациональном (чеченском) уровне, на которое накладывается противоречие интересов Центра и Республики»[16]. Эти обобщения сделаны на большом материале непосредственного наблюдения и социологических опросов.

Подводя итог, необходимо сделать следующие выводы.

В рецензируемой работе имеется целый ряд неверных взаимообусловленных методико-теоретических положений, на основании которых автор делает достаточно сомнительные обобщения. Первый научно дезориентирующий фактор в этом ряду – использование термина «этнический конфликт (напряженность)» и попытка подвести под него явления, по своему содержанию не соответствующие этому определению. Отсюда вытекает вопрос, правомерно ли по отношению к этническому большинству называть конфликты межэтническими, если в этих конфликтах участвует лишь экстремистски настроенное меньшинство этносов (мы не говорим об этичности такой номинации), предметом их споров являются не этнические интересы, а политические требования; объединения в группы происходят не по этническому признаку.

В рецензируемой книге достаточно профессионально исследуется психология, но эта психология **не есть** психология межэтнической напряженности. Проблемы экстремизма, государства, управления не следует объяснять через психологические особенности этносов, входящих в состав полиэтнического государства. Корни этих явлений кроются в иной плоскости. А проблема экстремизма столь актуальна, что ее психология и социальные корни заслуживают специального исследования. Мы не беремся давать моральную или историческую оценку этому явлению – хорошо оно или плохо. Видимо, в мире, который держится на противоположностях, экстремизм неизбежен. Однако коль скоро он существует, игнорировать или переименовывать этот факт не следует.

Для правильного решения проблемы социальной напряженности (этим определяется актуальность исследования, с. 8), которую автор называет межэтнической, необходимо перенести центр внимания с проблемы этничности на проблемы государства и управления. Внимание должно быть сосредоточено не на следствиях, а на причинах. Исследование «рефлексов» не способствует искоренению дестабилизирующих факторов. Методы и теория могли бы оказаться «в действии», если бы исследуемый конфликт (напряженность) был этнический. Исследование этнической идентичности не объясняет природы имеющейся

социальной напряженности, его психологии, в лучшем случае оно высвечивает отношения субъекта исследуемого процесса к самому (так и не исследованному) процессу.

Примечания

[1] Психологический словарь. М., 1990. С. 467.

[2] Национальная доктрина России (проблемы и приоритеты). М., 1994. С. 265.

[3] Социологический словарь. Минск, 1991. С. 211.

[4] Там же.

[5] *Лурье С.В.* Историческая этнология. Учебное пособие для вузов. М., 1998. С. 41.

[6] *Семенов Ю.И.* Социально-исторические организмы, этносы, нации // Этнограф. обозрение. 1996. № 1. С. 3.

[7] Социологический словарь. С. 4.

[8] Социологическая служба «КП» // Комсомольская правда. 1994. 22 дек.

[9] Национальная доктрина России (проблемы и приоритеты). С. 300.

[10] Социологический словарь. С. 521.

[11] *Овидий Насон // Латышев В.В.* Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. 2. Вып. 2. СПб., 1906. С. 90.

[12] *К-ий.* В горах Дагестана с 1842 по 1875 год. СПб., 1884. С. XVI.

[13] *Семенов Н.* Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб., 1895. С. 80.

[14] *Ольшевский М.Я.* Кавказ с 1841 по 1866 год. Ч. 1. Гл. IV–XI // Русская старина. 1893. Июль. С. 92.

[15] *Юсупов М.* Национальный интерес как предмет социологического исследования (по материалам ЧР). Автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 1994.

[16] Там же. С. 21.

М.Х.-М. Шахбиева

© 2000 г., ЭО, № 1

Г.У. Солдатова. Психология межэтнической напряженности. М., 1998. 389 с.

Книгу Г.У. Солдатовой «Психология межэтнической напряженности» отличают монументальность объема, фундаментальность подхода, набор обязательных для академической монографии структурных элементов содержания, начиная от постановки проблемы и заканчивая основными выводами. Ей присущи стилистическая сдержанность, разветвленный понятийный аппарат и обширная историографическая часть.

Мне кажется, что данную работу следует отнести к числу научных событий 1998 г., причем не только потому, что она написана на «горячую» тему. Каждое отдельно взятое слово-понятие, вынесенное в заголовок, заранее «обрекает» книгу на внимание читающей публики. Но все вместе – *«психология межэтнических отношений»* – они составляют почти гремучую смесь, в которой соединились и острая актуальность, и социальный заказ, и политическая конъюнктура, и профессиональная престижность, и гражданская заинтересованность. Но данная тема таит в себе и немало опасностей. В их числе – проницаемость границ между подлинным исследованием проблемы и эксплуатацией темы, исследовательской беспристрастностью и ангажированностью, чувствами и разумом, которые неизбежно сталкиваются при изучении человеческих (межэтнических) отношений. Короче говоря, взяться за такое исследование – значит проявить немалую смелость. Но именно эта черта придает работе особую притягательность.

Исследование выполнено в русле отечественного этнопсихологического направления, которое в настоящее время представлено небольшим количеством работ и еще меньшим числом специалистов, что также усиливает интерес к нему.

Рецензируемая книга содержит три раздела, отражающие три уровня исследования. Первый раздел – теоретический, где изложены представления автора о теоретических основах исследования, определены его цели и задачи, описан понятийный аппарат. Базовые понятия, в связи с которыми автор излагает свои теоретико-методологические представления, – «этническая идентичность» и «этническая солидарность», «этническое самосознание», «этнические образы», «мотивационно-потребностный компонент» и «поведенческие установки».

Во втором разделе изложены принципы и методы эмпирического этнопсихологического исследования. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в работе используется около десятка оригинальных методов и методических приемов измерения уровня межэтнической напряженности, разработанных лично автором или при его участии.